УДК 294.3
DOI: 10.30792/2949-5768-2023-2-67-78

А. К. Хабдаева[1]

БУДДИЙСКИЕ МОНАСТЫРИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

Буддийский монастырь – не только религиозный, но и социальный институт, обладающий значительным влиянием в китайском обществе. События в истории Китая на рубеже XIX–XX вв. негативно отразились на жизни буддийских монастырей, привели к отдалению буддийских общин от общества. Знакомство с европейской духовной культурой спровоцировало конфликт традиционных китайских и западных морально-этических ценностей. Огромный вклад в дело возрождения буддийских монастырей, возращения их в условия реальной жизни внесли реформаторы китайского буддизма Тай Сюй и Чжао Пучу. Принципы «гуманистического буддизма» стали ключевым элементом реформаторского направления в китайском буддизме новейшего времени. В условиях социокультурного пространства Китая буддийский монастырь прошёл путь от модели «цунлинь», где за основу бралась личная практика религиозного опыта, до «гуманистического буддизма» с его идеей интеграции социальных ресурсов. В настоящее время буддийский храм является активным участником экономических и финансовых отношений. Современный монастырский комплекс представляет собой не только культовое сооружение, но и важный культурный потребительский продукт. Деятельность монастырей адаптируется к современным социокультурным реалиям, создавая новые формы социального взаимодействия с использованием инновационных идей, стратегий, технологий.

Ключевые слова: буддизм Китая, буддийский монастырь, институт монашества, социокультурное пространство, гуманистический буддизм.

A. K. Khabdaeva

BUDDHIST MONASTERIES IN THE SOCIOCULTURAL CONTEXT OF MODERN CHINA

A Buddhist monastery is not only a religious, but also a social institution that has significant influence in Chinese society. Events in the history of China at the turn of the 19th and 20th centuries. had a negative impact on the life of Buddhist monasteries and led

[1] Хабдаева Аюна Константиновна – доктор философских наук, профессор кафедры восточных языков федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Санкт-Петербургский государственный экономический университет (г. Санкт-Петербург, Россия). E-mail: ayupost@yandex.ru

to the alienation of Buddhist communities from society. Acquaintance with European spiritual culture provoked a conflict between traditional Chinese and Western moral and ethical values. A huge contribution to the revival of Buddhist monasteries and their return to real life conditions was made by the reformers of Chinese Buddhism Tai Xu and Zhao Puchu. The principles of «humanistic Buddhism» have become a key element of the reformist movement in Chinese Buddhism in modern times. In the sociocultural space of China, the Buddhist monastery has evolved from the «tsunlin» model, where the personal practice of religious experience was taken as the basis, to «humanistic Buddhism» with its idea of integrating social resources. Currently, the Buddhist temple is an active participant in economic and financial relations. The modern monastery complex is not only a religious building, but also an important cultural consumer product. The activities of monasteries adapt to modern sociocultural realities, creating new forms of social interaction using innovative ideas, strategies, and technologies.

Keywords: Chinese Buddhism, Buddhist monastery, monastic institution, sociocultural space, humanistic Buddhism.

События, происходящие в современном мире, доказывают актуальность и необходимость своевременного решения религиозных проблем, и Китай здесь не является исключением. Реформы, инициированные видными китайскими общественниками ещё в начале XX в., свидетельствовали об острой необходимости изменений в буддийской культуре, в том числе и в сфере монастырской деятельности. Буддийский монастырь – не только религиозный, но и социальный институт, обладающий серьёзным влиянием в китайском обществе, поэтому существует необходимость анализа, выработки объективных критериев для оценки его роли и места в современном социокультурном пространстве Китая.

Современный этап эволюции китайского буддизма достаточно часто становится предметом изучения отечественных исследователей. Этому вопросу посвящен ряд работ С. А. Горбуновой: диссертация «Китайский буддизм и общество в XX в.: история создания и деятельности буддийских объединений в Китае» (2000), статьи «Специфика нормативно-правовой деятельности общегосударственных религиозных объединений КНР» (2018), «Роль Чжао Пучу в истории китайского буддизма XX в.» (2013). Религиозные аспекты политики КНР анализируются в статьях Л. Е. Янгутова «Буддизм в социально-политической стратегии коммунистической партии Китая» (2020), А. Б. Захарьина «Особенности религиозной политики КНР в 20 веке» (2015), Л. А. Афониной «Китайская модель регулирования религиозной деятельности» (2016), Е. А. Нагуслаевой «Религиозная политика Си Цзиньпина» (2019), С. А. Ана «Буддизм и буддий-

ские объединения в современном Китае» (2013), Ван Куня «Буддизм в современном Китае» (2022) и др.

При этом, при всём многообразии исследований в области китайского буддизма обращает на себя внимание малочисленность работ, посвященных буддийским монастырям собственно китайского (ханьского) буддизма на современном этапе развития. В российском китаеведении большая часть исследований в области монастырской традиции актуализирована на проблеме изучения социально-философских аспектов деятельности тибетских монастырей.

Социокультурное пространство – сложная система, представленная комплексом подсистем, среди которых, согласно методологическим разработкам Н. И. Лапина, выделяются человеческое пространство, историко-культурное пространство, экономическое пространство, пространство власти [Пивоваров 2016: 158]. Большинство отечественных исследователей характеризует социокультурное пространство, основываясь на теории П. Сорокина, согласно которой «социальное» и «культурное» представляют собой неделимое единство [Кучинская 2013: 19–20]. В отличие от российских коллег, китайские исследователи нечасто оперируют понятием «социокультурное пространство». Так, Чжоу Юй утверждает, что китайские ученые не используют категорию «социокультурное», но рефлексия сущности социального пространства, наиболее разработанного китайской наукой, идентична теории «социокультурного», которая развивается российской научной школой [Пивоваров 2016: 159].

В структуре социокультурного пространства наряду с такими его элементами, как этнический, экономический, эстетический, культурный, политический, т.д., выделяется и конфессиональный. В рассматриваемом контексте функционирование буддийского монастыря характеризуется главным образом на основе социальных параметров, связанных с китайской региональной спецификой.

Институт монашества в буддизме вне зависимости от специфики региональных форм представляет собой фундаментальный элемент системы. Фактически формирование монашества как социокультурной организации в русле китайского буддизма растянулось во времени в связи с конфликтом буддийских мировоззренческих принципов и традиционных китайских этических идей в лице конфуцианства. Длительный период времени дисциплинарная часть устава в среде китайских буддистов не считалась обязательным элементом вступления в монастырскую общину. Более

ясные представления о требованиях к членам сангхи появились с распространением переведённых текстов Винаи (кит. «люй» 律 / «пи най е» 毗奈耶) – канонических сочинений, содержащих свод правил, или устав, монашеской общины. Однако в процессе знакомства с текстами устава китайцы произвольно включали в свой канон разные традиции Винаи вне их статусной иерархии. По замечанию И. С. Урбанаевой, «Очевидно, эта особенность китайской стратегии формирования канона обусловлена традиционным почитанием авторитетов прошлого. С точки зрения китайцев, все альтернативные тексты «Виная» были достоверными, ибо являлись в равной степени древними. Дело было лишь в том, чтобы объяснить различие между ними» [Урбанаева 2015: 164].

Внедрение Винаи способствовало окончательному оформлению института буддийского монашества в Китае. Большое влияние на процесс его формирования оказало появление правил Байчжана (百丈怀海, 720–814 гг.), регламентировавших жизнедеятельность чаньских общин на территории современной провинции Цзянси. Революционными явлениями для китайского буддизма стали внедрение физического труда для монахов, а также декларирование принципов открытости и прозрачности финансовой деятельности монастыря. Сложившая в результате введения буддийского монашеского устава система получила название «цунлинь» (丛林). Первоначально это название применялось в отношении чаньских монастырей, а в дальнейшем, в период династий Мин и Цин, название «цунлинь» распространилось на все направления китайского буддизма.

Дальнейшие события в истории Китая, коренные трансформации социальной реальности отразились и на жизни буддийских общин. Ситуация в стране в первой половине XX в. поставила китайских буддистов перед нелёгким выбором. Положение складывалось таким образом, что китайских буддистов вынуждали отдавать имущество монастырей под строительство государственных учебных заведений, разрушать храмы, изгонять из общин монахов и возвращать их в мир. Знакомство с европейской духовной культурой привело к столкновению западной и традиционной китайской мировоззренческих систем. В таких условиях многие китайские монахи предпочли закрыться от внешнего мира, сводя свою деятельность к предоставлению ритуальных услуг в похоронных обрядах, проведению ритуалов загробной жизни. Китайские буддийские монастыри стали всё больше отдаляться от общества. В этой непростой ситуации возрождением буддийских монастырей, возращением их в условия реальной жизни

занялись реформаторы китайского буддизма. Так появилась и получила распространение теория «буддизма жизни» Тай Сюя (太虚, 1889–1947 гг.).

Одним из ключевых элементов реформаторской программы Тай Сюя стала идея «трёх буддийских революций». Первая революция – организационная, или системная, заключалась в создании буддийских университетов, проведении тщательного отбора достойных кандидатов для принятия монашества в соответствии с их моральными качествами, организации управления монастырём. Вторая революция – имущественная, или экономическая. Она подразумевала использование имущества монастырей как общей буддийской собственности для обеспечения пропаганды учения Дхармы, подготовки буддийских священнослужителей, осуществления благотворительной деятельности. Третья революция – доктринальная, или идеологическая. Её идея состояла в избавлении от пороков – фальши, суеверий, алчности, – и построении «человеческого буддизма» (人生佛教), заботящегося о человеческой жизни, созерцающего общество» [Ли Хай 2021].

Концепция «трёх революций» Тай Сюя представляет собой масштабный план реформ в современной истории китайского буддизма. Его гуманистические идеалы отражают историческое осознание буддийских принципов и возможностей в процессе социальных и культурных изменений в Китае того времени. Идеи возрождения буддизма Тай Сюя были поддержаны и развиты мировоззренческой концепцией буддиста-мирянина Чжао Пучу (赵朴初, 1907–2000). Представления о сострадании, помощи бедным и несчастным живым существам оказались исключительно актуальными и созвучными тревожным настроениям людей, подавленным нестабильностью настоящего и неопределённостью будущего. Принципы учения, получившего известность как «гуманистический буддизм» (人间佛教), стали ключевым элементом реформаторского направления в китайском буддизме новейшего времени. По сей день идеи «гуманистического буддизма» по-прежнему являются фундаментальной основой, характеризующей мировоззренческую позицию китайских адептов буддизма.

Гуманистический буддизм провозгласил необходимость помощи людям в реальной, настоящей жизни. Фактически это означало вовлечённость буддийских храмов в социальную деятельность, мирские дела, преодоление монастырской изолированности. Важнейший элемент концепции гуманистического буддизма – идея служения обществу. Таким образом, буддийский монастырь в условиях китайского социокультурного

контекста прошёл путь от модели «цунлинь», где за основу бралась личная практика религиозного опыта, до «гуманистического буддизма» с его идеей интеграции социальных ресурсов.

С образованием КНР в 1949 г. были изменены традиционные методы классификации буддийских храмов – отныне их ранжирование основывалось на принципе территориальности. В принятом Буддийской ассоциацией Китая в 2011 г. документе «определялась роль отделений БАК на уровне провинций, автономных районов и городов центрального подчинения в проведении в монастырях церемоний посвящения» [Горбунова 2018: 625]. Предпринятые шаги усиливают подчинение церкви политической власти. Религиозная сфера находится под строгим контролем государства. Ключевым административным регламентом, регулирующим деятельность в религиозной сфере, является «Положение по делам религий» (宗教事务条例), вступившее в силу в 2005 г.

Буддийские монастыри являются важной частью традиционной китайской культуры. Китайскую модель буддизма отличает высокая степень интегрированности в общество и культуру. Проникший в Китай две тысячи лет назад буддизм укрепился в традиционном сельскохозяйственном обществе, адаптируясь к актуальным социокультурным реалиям того времени. Постепенно храм стал восприниматься в китайском обществе не только в качестве носителя духовно-нравственной культуры, но и как социальная организация с серьёзным экономическим влиянием.

Период с конца династии Цин до 1950-х гг. был важным историческим этапом, определившим содержание и формы современного буддизма в Китае. В это время произошло своеобразное обновление идеологических коннотаций, было скорректировано направление развития китайской модели буддизма. Под воздействием сил политического и экономического характера в XX в. произошли значительные структурные преобразования китайского буддийского монастыря. Возросла его социальная активность, были актуализированы юридический статус и поле экономической деятельности, в соответствии со сложившимися политическими условиями оформилась модель монашеского образования. В стране в настоящий момент особое внимание уделяется вопросам религиозной политики, и в отношении буддийского монастыря применяется система управления, определяемая приоритетами стратегии Коммунистической партии КНР.

Указанные факторы способствовали процессам стандартизации управления и жизнедеятельности храмов и монахов, а также социализации

и институализации китайского буддизма, что в конечном счёте позволило китайским буддийским монастырям занять собственное место в современной китайской парадигме социокультурного пространства. С приобретением институциональных и организационных форм буддийский монастырь стал представлять собой специфическую модель социальной организации, вовлечённую в общественную и духовную жизнь современного Китая.

Современное общество развивается в эпоху индустриализации, информатизации, глобализации и требует от буддийского храма адекватной реакции и изменений. Текущий этап т.н. «китаизации» буддизма – это процесс модернизации китайского буддизма, адаптации к новым социокультурным условиям и интеграции с социалистическим китайским обществом.

Современный буддийский храм является активным участником экономических и финансовых отношений. Основой хозяйственно-экономической деятельности монастырей является их деловая активность – сборы и пожертвования от посещения прихожан и туристов, предоставление религиозных услуг (в том числе исполнение служб), приготовление и реализация вегетарианских блюд. Возможности нового времени предоставляют и нетрадиционные источники заработка – к примеру, сейчас китайцы активно заказывают в буддийских монастырях ритуалы освящения автомобилей; в храмах изготавливают кунжутное масло, продают молитвенные карточки, сувениры, чай, и т. д.

Технологическое и экономическое развитие современного общества обеспечивает большие возможности для развития храмовой деятельности – как, к примеру, это происходит в случае использования мультимедийных технологий и сетевых коммуникаций, способствующих распространению храмовой культуры. Современный китайский буддийский монастырь интегрирует различные социальные ресурсы, расширяя социальное пространство для осуществления религиозной деятельности. Храмы ориентированы на использование актуальных средств получения информации: телевидения, интернета, социальных сетей, мессенджеров. При этом традиционные формы общения по-прежнему играют большую роль. Молодые люди для получения информации выбирают современные средства коммуникации. Последователи пожилого возраста, ограниченные в возможностях доступа к информации, редко используют современные

технологии, предпочитая им традиционные встречи и собрания, чтение газет, просмотр телевизионных программ и роликов.

По статистическим данным, представленным на правительственном сайте КНР, в настоящее время в Китае насчитывается более 100 миллионов верующих различных религиозных конфессий, около 139000 утвержденных мест для религиозной деятельности, более 360000 священнослужителей и более 5500 религиозных общин. Религиозные общины располагают более чем 100 религиозными учебными заведениями, осуществляющими подготовку священнослужителей [Очерк религиозной ситуации в Китае].

Относительно актуального состояния буддийской церкви сайт правительства КНР сообщает следующие данные: в Китае более 33000 буддийских храмов и около 200000 монахов и монахинь. В этом числе около 120000 лам и монахинь, 1700 живых Будд, 3000 монастырей – представители тибетского буддизма. Палийское направление буддизма представлено 10 000 монахами и 1600 храмами [Там же].

На современном этапе развития китайского общества продолжается процесс формирования монашеской традиции китайского буддизма. Исследователь С. А. Горбунова, анализируя обнародованные Буддийской ассоциацией Китая в 2017 г. «Методы управления трёхступенчатой церемонией посвящения в буддийских монастырях традиции хань» (全国汉传佛教寺院传授三坛大戒管理办法), отмечает: «Согласно новому нормативу, как и прежде, они [церемонии посвящения в буддийские монахи – А.Х.] имеют место в КНР примерно 10 раз в год, а количество принимающих монашеские обеты не должно превышать 350 человек (т.е. ежегодно буддийское монашество традиции хань пополняется на 3500 чел.). Устанавливаются неизменные возрастные рамки 20–59 лет (включительно) для желающих принять монашеские обеты и требования, предъявляемые к ним» [Горбунова 2018: 625].

В Китае, как и во многих странах мира, реализуется принцип разделения религии и образования. На государственном уровне религиозное образование в КНР не предоставляется, тем не менее, часть колледжей, университетов, исследовательских институтов осуществляют преподавательскую деятельность в области религиоведения, а также проводят научные исследования в данном направлении. В рамках указанного выше «Положения по делам религий» (宗教事务条例) религиозные группы в Китае решают вопросы образования, открывают религиозные школы, печатают и

распространяют религиозную литературу, периодические издания, создают службы социального обеспечения. В настоящее время в отдельных вузах и научных центрах наблюдается тесная интеграция светской системы образования и буддийской образовательной традиции. Буддийские монахи и монахини имеют возможность обучаться в университетах наряду со всеми другими гражданами.

В современной системе координат КНР китайские буддисты пытаются отстоять своё место в социальной структуре общества, а для этого необходимо построение конструктивного диалога с партией и правительством. В рамках официального идеологического курса постулируется идея о том, что буддизм – основа толерантности, идеологической и духовной стабильности китайского общества. Настоящая стратегия развития буддийских монастырей строится в русле инновационных теорий построения «гармоничного общества», согласно которым буддизм занимает значимое место в системе мировоззрения современного китайца. Буддизм – это религия, которая благодаря внедрению новых принципов (гуманистический буддизм) отошла от отшельничества и уединения и пришла к гармонии, единству, социальному диалогу.

С течением времени буддийский монастырский комплекс стал представлять собой важный культурный потребительский продукт. Буддизм как элемент стратегии «мягкой силы» во внешней политике КНР содействует распространению китайской культуры, философии во всём мире. Для прихожан монастырь в первую очередь – это место удовлетворения духовных потребностей. Деятельность монастыря направлена на морально-нравственное просвещение, воспитание духовных ценностей, преодоление пороков современного общества, таких, как излишнее стремление к материальным вещам, проявление насилия; ориентирована на избавление от морально-нравственного хаоса. Для людей, отрицающих религию, буддийский монастырь – это в первую очередь туристическая достопримечательность. Китайские государственные деятели видят в буддийском монастыре уникальный туристический продукт, выполняющий роль проводника «народной дипломатии». По замечанию А. Б. Захарьина, буддизм «в основном рассматривается как «своя» религия и часто представлен культурными брендами в массовом искусстве и туристической индустрии. Буддизм помогает китайским властям сотрудничать со странами буддийской ориентации» [Захарьин 2015: 94].

Основной нарративный посыл, исходящий со стороны представителей буддийской религии в Китае в настоящее время, – буддизм выполняет функции гармонизации общества. Буддийские монастыри Китая исполняют важную социальную роль – духовную помощь. Деятельность храмов способствует социальной гармонии и стабильности. «Усиливающаяся дифференциация социокультурного пространства Китая обуславливает обращение современного философского и общественно-политического дискурса к базисным для традиционной культуры ценностным идеологемам, среди которых особо выделяется «гармония» («хэсе»), представленная в научной теории и практике, объединяющим социальным и культурным идеалом» [Кучинская 2013: 26].

Дух гармонии и мира, которым обладает буддизм; гибкость и рационализм, присущий китайской мировоззренческой традиции; накопленный буддийскими монастырями ценный культурно-исторический опыт позволяют монастырям выживать и развиваться в условиях современных реалий. Деятельность китайских буддийских монахов адаптируется к современным социокультурным тенденциям, создавая новые формы социального взаимодействия с использованием актуальных идей, стратегий, технологий. Буддийские монастыри исторически играли множество ролей, таких как академические и образовательные учреждения, благотворительные организации, библиотеки, культурные центры. Они имеют опыт ведения сельскохозяйственной, производственной, коммерческой деятельности. Но в первую очередь монастыри – это проводники особого рода знаний и культуры. Как религиозные объекты и носители культуры, буддийские храмы играют важнейшую роль в традиционной китайской культуре.

Литература

Ан С. А. Буддизм и буддийские объединения в современном Китае / С. А. Ан, Е. И. Варова // Мир науки, культуры, образования. – №4(41). – С. 370–372.

Горбунова С. А. Специфика нормативно-правовой деятельности общегосударственных религиозных объединений КНР / С. А. Горбунова // Общество и государство в Китае. – 2018. – № 48(2). – С. 621–630.

Захарьин А. Б. Особенности религиозной политики КНР в XX веке / А. Б. Захарьин // Вестник Московского ун-та. Серия 13. Востоковедение. –2015. – № 1. – С. 82–96.

Кучинская Т. Н. Архитектоника социокультурного пространства Китая в условиях транснационального межкультурного взаимодействия РФ и КНР: автореф. дисс… д-ра филос. наук: 09.00.13 / Т. Н. Кучинская. – Чита, 2013. – 43 с.

Ли Хай. Размышления о новых горизонтах, открывающихся в связи с китаизацией буддизма в новое время [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.njqls.com/newsInfo.asp?ID=4176 (дата обращения: 16.10.2023).

Модель институциональных изменений гуманистического буддизма (Часть 2). Сравнительное исследование четырех буддийских монастырей современного Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pacilution.com/ShowArticle.asp?ArticleID=2582. (дата обращения: 06.09.2023).

Общие сведения о религиях / Сайт правительства КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.cn/test/2005-06/22/content_8406.htm (дата обращения: 16.09.2023).

Очерк религиозной ситуации в Китае [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.cn/guoqing/2005-09/13/content_2582714.htm (дата обращения: 19.08.2023).

Пивоваров Д. А. Китайское социокультурное пространство и его объективация в научных категориях / Д. А. Пивоваров, Н. А. Абрамова // Манускрипт. – 2016. – №5(67). – С. 158–161.

Урбанаева И. С. Особенности формирования буддийского Канона в Тибете и Китае: сравнительный анализ / И. С. Урбанаева // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. – 2015. – № 4(44). – С. 162–173.

References

An S. A. Buddizm i buddijskie ob"edineniya v sovremennom Kitae / S. A. An, E. I. Varova // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – №4(41). – S. 370–372.

Gorbunova S. A. Specifika normativno-pravovoj deyatel'nosti obshchegosudarstvennyh religioznyh ob"edinenij KNR / S. A. Gorbunova // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. – 2018. – № 48(2). – S. 621–630.

Zahar'in A. B. Osobennosti religioznoj politiki KNR v XX veke / A. B. Zahar'in // Vestnik Moskovskogo un-ta. Seriya 13. Vostokovedenie. –2015. – № 1. – S. 82–96.

Kuchinskaya T. N. Arhitektonika sociokul'turnogo prostranstva Kitaya v usloviyah transnacional'nogo mezhkul'turnogo vzaimodejstviya RF i KNR: avtoref. diss… d-ra filos. nauk: 09.00.13 / T. N. Kuchinskaya. – Chita, 2013. – 43 s.

Li Haj. Razmyshleniya o novyh gorizontah, otkryvayushchihsya v svyazi s kitaizaciej buddizma v novoe vremya [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.njqls.com/newsInfo.asp?ID=4176 (data obrashcheniya: 16.10.2023).

Model' institucional'nyh izmenenij gumanisticheskogo buddizma (Chast' 2). Sravnitel'noe issledovanie chetyrekh buddijskih monastyrej sovremennogo Kitaya [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.pacilution.com/ShowArticle.asp?ArticleID=2582. (data obrashcheniya: 06.09.2023).

Obshchie svedeniya o religiyah / Sajt pravitel'stva KNR [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.gov.cn/test/2005-06/22/content_8406.htm (data obrashcheniya: 16.09.2023).

Ocherk religioznoj situacii v Kitae [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.gov.cn/guoqing/2005-09/13/content_2582714.htm (data obrashcheniya: 19.08.2023).

Pivovarov D. A. Kitajskoe sociokul'turnoe prostranstvo i ego ob"ektivaciya v nauchnyh kategoriyah / D. A. Pivovarov, N. A. Abramova // Manuskript. – 2016. – №5(67). – S. 158–161.

Urbanaeva I. S. Osobennosti formirovaniya buddijskogo Kanona v Tibete i Kitae: sravnitel'nyj analiz / I. S. Urbanaeva // Gumanitarnyj vektor. Seriya: Filologiya, vostokovedenie. – 2015. – № 4(44). – S. 162–173.